

Москва, Юрию Никулину

НА КОНВЕРТАХ с такой короткой надписью: «Москва Юрию Никулину», — дотошные столичные связисты без раздумий добавляли адрес московского цирка. Они уже давно знают, какому именно Юрию Никулину предназначены эти письма. Народному артисту, чье жизнерадостное искусство полюбили миллионы зрителей.

Груда пестрых конвертов с почтовыми штемпелями больших городов и крошечных поселков — письма, адресованные Никулину. С разрешения Юрия Владимировича я познакомился с ними. Некоторые он читал мне сам, и лицо его было то растроганным, то задумчиво-серьезным, то озяло обаятельной «никулинской» улыбкой...

До чего же интересна и многообразна почта актера! В письмах — размышления о его творчестве, отклики на фильмы и телевизионные передачи, слова сердечной благодарности и уважения, советы, замечания, пожелания, различные вопросы.

«Взяться за перо меня заставило прочитанное Вами во время передачи Центрального телевидения письмо какого-то мрачного человека, который не советовал Вам выступать ни в клоунаде, ни в комических киноролях, считая, что смешить людей дело несерьезное, — пишет Никулину из Горьковской области А. М. Морковин. — Выкиньте это его письмо. Если бы он почитал статьи ученых о долголетии, то узнал бы, что все долгожители были веселыми людьми. С давних времен установлено, что продолжению человеческой жизни способствуют смех, веселье, песня... Трудно измерить, сколько здоровья, бодрости приносят Вы огромному количеству людей своей игрой в кино и цирке! Я 78-й год кувыркаюсь вокруг солнца. Долгую жизнь прожил. Полвека в партии. Сейчас я на республиканской пенсии. Но засиживать себя мухами еще не даю. Участвую в общественной работе, имею шесть видов поручений и выполняю их по мере сил. Не люблю мрачных нытиков, которые заедают жизнь своих родных и знакомых...».

А вот письмо от старого фронтового друга Юрия Вла-

димировича, бывшего старшего лейтенанта Хинина, с которым Никулин вместе воевал в годы Великой Отечественной. Он упоминает о любопытном случае, происшедшем с его знакомой во время телепередачи «Творческий вечер Юрия Никулина». Женщина, о которой идет речь, длительное время ходила на костылях. Когда показывали передачу, — пишет Хинин, — Александра Прокофьевна неудержимо смеялась, потом встала с постели и, вытирая выступившие от смеха слезы, пошла без костылей по комнате. Да так без них и поныне ходит. Просила передать тебе самые добрые пожелания. Вот такая штука приключилась. Поистине, смех — дело серьезное и... лекарственное».

— Я, конечно, не знаю, — говорит Юрий Владимирович, — в какой мере помогли женщине смех и бодрое настроение, вызванные передачей. Наверное, больная вообще уже выздоравливала. Во всяком случае, это очень приятное совпадение и радостное для меня письмо.

...Почта Никулина. До чего же это яркое, красноречивое подтверждение того, как безмерно любят русские люди юмор, как высоко ценят труд актеров, дарящих людям веселье, бодрость, хорошее настроение! «С большим удовольствием посмотрим фильм и телепередачи с Вашим участием, — читаю в письме, присланном И. А. Поповой из Гродненской области. — Любим Вас и как киноактера и как циркового клоуна. Ваша игра в равной мере нравится и мне — сорокапятилетней женщине, и моему сыну — двенадцатилетнему мальчишке. Сердечное спасибо Вам и самым наилучшим пожеланиям!». С этим посланием перекликаются письма Янковой из Благовещенска, Кочетковой из Тулы, Тани Раковой из Мичуринска, тамбовской поэтессы Майи Румянцевой, приславшей актеру свою книгу с посвященным ему стихотворением «Клоун», письмо шахтера Владимира Никулина из Междуреченска Кемеровской области, многих других зрителей, выражающих артисту свое признание за его жизнерадостное искусство. Кстати, к письму однофамильца Никулина есть трогательное приложение —

фотокарточка годовалого карапуза. «Когда у нас родился сын, — пишет Владимир Никулин, — решили назвать его Юрой. Пусть в нашей семье будет свой Юрий Владимирович Никулин. Приглашаем на день рождения сына. Будем Вам очень рады».

Больше всего писем в обширной почте Никулина, конечно же, от детворы.

— Есть среди ребячьих посланий, — говорит Юрий Владимирович, — и забавные, и трогательные, и письма с юмором. Все они искренние. Ребята желают мне добра, хотя переписываться со мной. Присылают свои рисунки, стихи. А вот восьмилетний киевлянин Юра Польченко даже дает мне творческий совет. Пишет, что ему в голову пришел комедийный сюжет: «Вы бы тикали от быков и стреляли из пистолета. А из него шел бы черный дым. Вы были бы одеты в ковбойку, сомбреро и курили сигары... Ну, в общем, сами понимаете. А фильм этот назывался бы «Джон — черная корова из вольера». Что сказать по этому поводу? Никулин разводит руками, смеется — и это ответ. Сказать, действительно, нечего: к чему Никулину становиться героем ковбойского боевика?

«Моей бабушке 70 лет, — рассказывает в своем письме пятиклассница Люда Степанова из Саратова. — Не знаю почему, но она не любит кино. Все-таки один раз мы с братом Толей уговорили ее посмотреть кинокартину. Шел фильм «Когда деревья были большими», в котором играете Вы. И вот теперь, как только показывают картину с Вашим участием, бабушка торопится в кино, да так спешит, что даже мы за ней не угонимся. У нас уже целый альбом ваших фотографий. Толя фотографировал вас прямо с киноэкрана. Напишите, пожалуйста, в каком фильме вы собираетесь играть?».

«А я очень люблю песни, — заявляет в своем письме Никулину мальчик Петя Барнашев из Магнитогорска. — И даже сам сочиняю их. Пошлю Вам песню на мотив той, что поет Наташа Варлей в картине «Кавказская пленница». Только теперь уже другое название. Не «Песня о медведях», а — «Чемпионат».

— Обратите внимание, — улыбаясь Юрий Владимирович, — как здесь сочетается кино со спортом, с увлечениями. Слушайте «Чемпионат»:

«Где-то на белом свете чемпионат идет, злые американцы режут коньками лед, Вот проходит минута — мчатся Фирсов, Петров, Фирсов отбирает шайбу и открывает счет». Припев: «Ля, ля, ля, ля, ля, ля, Фирсов открывает счет!»

Дальше в пяти куплетах излагаются подробности второго и третьего периодов, весь ход матча.

Кончается песня так: «Где-то на белом свете чемпионат идет, злые американцы режут коньками лед, Вот проходит минута — мчатся Харламов, Петров, А на воротах Зингер семечки грызет».

Кто знает, может быть юный автор впоследствии станет поэтом и это его первые шаги.

— Я желаю Пете Барнашеву настоящих творческих удач, — говорит Юрий Владимирович.

А я беру из пачки писем, лежащей перед Никулиным, еще один конверт, подписанный детской рукой. Пишут ребята из Якутска. Пишут беспокойно, с волнением: «Дорогой товарищ Никулин! У нас в городе прошел слух, что Вы умерли. Напишите, пожалуйста, правда это или нет?».

— Когда я прочитал это своему сыну, — смеется Юрий Владимирович, — он спросил: «Папа, что ты ответишь?». Я говорю — наверное, отвечаю так: «Ребятам из Якутска сообщаю, что я умер. С приветом. Никулин». Ну, а что еще отвечать? Об артистах ходят разные слухи. Как видите, бывают и такие!

— Скажите, Юрий Владимирович, а вы вообще-то успеваете прочитывать все письма, которые получаете? — не удерживаюсь я от вопроса.

— Стараюсь прочитать каждое. А вот ответить на все, к сожалению, не могу. И не потому, что не хочу, а просто физически не имею возможности. Иначе пришлось бы бросить работу, да еще взять в помощь двух секретарей. Но я очень благодарен всем, кто шлет мне добрые советы, высказывает замечания о моей работе, благодарен за адресованные мне теплые слова. Письма зрителей помогают в творчестве да и вообще в жизни. Ведь приятно сознавать, что твой труд нужен людям, доставляет им радость. Для меня это — огромное счастье.

Никулин бережно складывает прочитанные письма и берет из пачки нераспечатанный конверт. Что в этом послании? От кого оно?

С. МИЛЮКОВ.